

★ БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика ★

Андрей Буторин
ЦИФРОВОЙ
ПОДРУЖИТЕЛЬ

БутАстика - 5
Детская фантастика. Повесть, рассказы

★ БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика БутАстика ★

Андрей Буторин

Цифровой подружитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15069428

ISBN 9785447437107

Аннотация

В пятом из шести тематических сборников фантастических рассказов, объединенных общим названием «БутАстика», писатель-фантаст Андрей Буторин предлагает читателям произведения, представляющие поджанр «детская фантастика».

Содержание

От автора	5
Ракушка	8
Глава 1. Хруст, которому не придали значения	8
Глава 2. Прежде чем что-то ломать, нужно думать!	17
Глава 3. Хрен редьки не слаще	25
Глава 4. В краю незаходящего солнца, или О казусах сна на свежем воздухе	29
Глава 5, заключительная. Дерево или куст – вот в чем вопрос!	39
С днем рождения!	47
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Цифровой подружитель БутАстика – 5. Детская фантастика. Повесть, рассказы Андрей Буторин

*Мы скоро вырастем, ребята,
И нас большие ждут дела.
Пусть у Земли большая карта —
Нам все равно она мала!*

*Пусть не обидится планета,
Она ведь вырастила нас,
Но все же сядем мы в ракету
И полетим вперед, на Марс!*

*Мы тяготенья снимем путы,
Мы любопытны – просто жуть!
Для нас открыты все маршруты,
Но к Марсу – самый первый путь!
(Стихи автора)*

© Андрей Буторин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мысль сделать сборники моих рассказов появилась у меня давно. Я начал писать фантастику в 90-х годах прошлого века, и, как водится, сначала это были рассказы. Но и позже, когда были написаны и изданы произведения крупной формы, рассказы я тоже вниманием не обделял. Что-то возникало спонтанно, в результате «творческого озарения», что-то писалось для конкурсов, таких как «Рваная грелка», «Кол-Фан» и пр., что-то создавалось специально для журналов и сборников.

Кстати, о журналах и сборниках. В них на сегодняшний день опубликовано более тридцати рассказов. Это такие журналы как «Если», «Техника-молодежи», «Знание-сила: Фантастика», «Юный техник» и другие, менее известные, в том числе и зарубежные. В итоге мои рассказы увидели свет в таких странах как Россия, Великобритания, Канада, Израиль, Латвия, Украина и США.

Однако я не стал делить рассказы для задуманных сборников на те, что уже опубликованы (есть такие, что и не единожды), и на те, что так еще и не видели свет. Не думаю, что факт публикации автоматически делает текст лучше. Мало того, я даже оставил все рассказы в первоначальном виде, без той переработки, что требовали некоторые издания. Единственное, что я позволил себе, это еще раз сделать вычит-

ку и провести минимальную редактуру с позиции моего нынешнего опыта, а также реалий сегодняшнего дня.

Произведения наверняка неравноценны по стилистике, уровню подачи материала, занимательности сюжета и прочим литературным параметрам, ведь писались они в разное время – и когда я еще только начал приобщаться к литературному творчеству, и когда приобрел уже какой-то опыт. Тем не менее, я не стал делить их по признаку новые-старые, потому что все они для меня родные дети, с каждым что-то связано, каждый чему-то меня научил. Не стал я и сортировать их по датам написания, посчитав, что это вовсе не самое главное.

Я провел деление по другому принципу. Хотя все рассказы принадлежат любимому мною жанру фантастике, но тематика у них очень разная; она представляет такие поджанры как фантастика научная, юмористическая, любовная, проза для детей и юношества, мистика-ужасы, сюрреализм... В связи с тем что рассказов накопилось много, порядка восьмидесяти, и все они представляют перечисленные выше направления, я решил сделать не один, а несколько сборников – каждый по своей тематике. Объединяет их придуманное мною название «БутАстика»; потому что это Буторин Андрей, и потому что это фантастика.

Пятый из шести задуманных сборников относится к поджанру «детская фантастика». Писать для детей, для подростков, для юношества в целом мне очень нравится. Надеюсь,

и моим юным читателям понравится то, что я делаю для них.

Приятного чтения, дорогие друзья! Жду ваших отзывов.

Искренне ваш,
Андрей Буторин

Ракушка

(Маленькая повесть для немаленьких детей)

Глава 1. Хруст, которому не придали значения

После Туапсе в окна прыгнуло море. Ну, это я, конечно, для красоты так говорю, никуда оно на самом деле не прыгало, а лежало себе спокойненько от самой почти железной дороги до горизонта и еще дальше. Папа говорит – до Турции, так значит и есть. Но в тот момент, как мы тронулись от вокзала в Туапсе и, проехав совсем чуть-чуть, стали поворачивать налево, оно к нам в окошко и прыгнуло – глаза так и утонули в этой сине-зеленой огромности! Я чуть не взвизгнул. Было бы мне не двенадцать лет, завизжал бы точно.

Вообще-то я море видел и до этого, мы ездили сюда уже два раза – когда я перешел во второй класс и еще раньше, когда мне всего четыре года было. Тот, первый раз, я, конечно, не помню: так, что-то смутное мелькает – карусель-паровозик, ярко-розовый круг, с которым я в море барахтался... Второй раз помню лучше, но тоже как-то размыто, без

подробностей. Вот тогда я от моря, наверное, визжал... Хотя, в тот раз мы летели на самолете. Или самолетом? Мама всегда ворчит, что я неправильно говорю. А какая разница? Всем же и так понятно! Просто мама привыкла, она на работе, в своей редакции, всем ошибки исправляет. Вот и мне достается. Ладно, я не обижаюсь! Папе, наверное, от мамы больше терпеть приходится – он же с ней вместе работает, только он как раз и пишет те статьи, что мама проверяет. Ну, не он один, конечно, пишет, и не одна мама проверяет, их там много – я у них на работе был, знаю.

Да ладно, какая работа, чего это я? Отпуск же у мамы с папой, а у меня каникулы! Наконец-то мы снова едем к морю все вместе! Да вот ведь, уже и приехали почти, говорю же – море за окном плещется!

Тут как раз по вагону стали всякие тетки ходить, предлагать жилье в Лазаревском... А мы как раз туда и ехали. Но папа почему-то от теток все время к окну отворачивался, а мама только головой мотала, когда они возле нас останавливались.

– Чего вы? – удивился я, когда прошла очередная тетка. – Нам ведь надо жилье!

– Ты знаешь, сколько денег они дерут? – проворчал папа, по-прежнему глядя в окно.

– Не знаю, найдем ли мы дешевле, – вздохнула мама. – Июль, самый сезон...

– Найдем, – сказал папа очень уверенно, словно сам с со-

бой спорил. Даже от разглядывания моря отвлекся и на маму посмотрел. – Там на каждом заборе объявление: «Сдается комната».

– Ты-то откуда знаешь? – снова вздохнула мама.

– Санька говорил! И Верунчик твоя...

– Они когда ездили? Санька два года назад, а Верунчик – в конце мая.

– Какая разница?.. – Папа снова уставился в окно.

– Ох... – в третий раз вздохнула мама, и мне стало немного грустно. Но мама вдруг вскинулась, засуетилась, набросилась на меня: – Гарик, а чего ты сидишь?! Мы через десять минут выходим, а у тебя вещи не собраны! Фломастеры, вон, валяются, альбом... Чипсы будешь доедать?

Я помотал головой и чипсами захрустел папа, а я сдернул с полки сумку, ссыпал в отдельный кармашек фломастеры и стал пихать в большое отделение альбом и книгу. Большое-то оно большое, но места в нем совсем не осталось. Странно, ведь альбом с книгой там и лежали; почему же сейчас они не лезут? Мама заметила мои мучения, забрала у меня альбом и положила его сверху в сумку с продуктами. Хотела отправить туда и книгу, но я испугался – еще запачкается какими-нибудь помидорами или курицей... И я предпринял новую отчаянную попытку запихнуть книгу в свою сумку. В ней вдруг что-то хрустнуло, и книга наконец-то поместилась. Сначала я расстроился, что сломал какую-нибудь важную вещь, но тут как раз поезд начал сбавлять ход,

за окнами замелькали дома поселка, и я сразу забыл об этой неприятности.

Пассажиры заспешили к выходу, папа с мамой тоже подхватили сумки и наперебой заторопили меня. Странные люди! Можно подумать, что я не хочу выходить.

Первый сюрприз ждал нас, едва мы выбрались из вагона на перрон. Там тоже к нам подлетели разные дядьки-тетки и стали дергать за рукава и орать прямо в уши про дешевое отличное жилье. Но едва мы от них отбились (папа двинул сквозь орущую толпу тараном, а мама отбивалась непосредственно, мотая головой и повторяя: «Нет, не надо, не надо, нет, нет...»), как я тут же увидел стоявшую в стороне, у лавочки... Елизавету Николаевну!

– Папа, мама! – закричал я, некультурно показывая на свою первую учительницу пальцем. – Смотрите!

– Ба! – сказал папа и выронил сумку. Мама потешно захлопала глазами и замерла как вкопанная. А я рванул было к Елизавете Николаевне, но через два-три шага тоже замер. Чего-то я вдруг застеснялся. Все-таки с первой учительницей мы два года не виделись, она после нашего класса на пенсию ушла и сразу уехала куда-то. Но самое-то смешное, я ведь когда вещи перед выходом собирал, про Елизавету Николаевну вспомнил и подумал: вот было бы здорово, если б она именно в Лазаревское переехала, а здесь бы нам повстречалась и предложила у себя поселиться. И денег бы не много

попросила, а то мама с папой переживают, что нам их для нормального отдыха не хватит... Вот я и затормозил. Такого же не бывает, чтобы невероятные мысли сбывались! А получается, что бывает. Хотя, Елизавета Николаевна нас ведь еще жить к себе не позвала...

И тут она нас тоже заметила и сразу узнала. Побежала к нам, замахала руками:

– Кукушкин! Гарик! – Остановилась, задумалась ненадолго, махнула рукой: – Вы меня извините, товарищи родители, не помню уже, как вас зовут... А Гарика помню! Как же, я весь ваш класс по именам помню, вы ведь у меня последние были... – Учительница полезла в карман за платком, стала вытирать глаза, потом обняла вдруг меня крепко-крепко. Я снова застеснялся. Стою, как истукан, и молчу. А мама с папой, наоборот, оживились, заговорили разом. Напомнили свои имена, стали рассказывать, что вот, мол, отдыхать в Лазаревское приехали... Станные они все же! Можно подумать, что летом на море можно поехать, чтобы работать. Хотя, папа куда только не ездит по работе – и зимой, и летом. Вот, недавно только с Севера вернулся, с Кольского полуострова. Там какой-то интересный случай произошел – то ли военный самолет разбился, то ли метеорит упал. Папа мне оттуда такой сувенир привез...

Но тут мои мысли Елизавета Николаевна прервала. Она сказала то, что я и хотел:

– Так это же замечательно! Это очень кстати! Я как раз

к поезду пришла, чтобы жилье людям предложить. Но тут видите, что творится, — кивнула она в сторону галдящих дядек и теток. — Мне не пробиться. Да и не умею я, никогда этим не занималась. У меня ведь муж этой зимой умер, — Елизавета Николаевна снова полезла за платочком. — А дочка — мы ведь к ней-то сюда и переехали, как пенсионерами стали — еще в прошлом году замуж второй раз вышла, в Сочи перебралась, к мужу. Внук сейчас в армии. Вот я и осталась одна в двухкомнатной квартире...

Папа с мамой переглянулись, и учительница замахала руками, заговорила быстро-быстро:

— Нет-нет, вы не подумайте, я не из-за денег! Мне и дочка помогает, да и пенсии хватает... Много ли одной надо? Просто людям помочь хочется, да и скучно в одиночестве. Может, вы у меня остановитесь? Мне и с Гариком пообщаться — в удовольствие, и вообще — не чужие ведь...

Конечно, мы поселились у Елизаветы Николаевны. Правда, маме больше бы хотелось пожить в частном доме, с садом, или хоть цветами во дворе, чтобы посидеть можно было вечером на лавочке, южную зелень понюхать... А чего ее нюхать? Главное — что? Море! А оно от дома Елизаветы Николаевны совсем рядом — пять минут каких-то. Ну и что, что у нее квартира, зато привычно все, почти как дома. А зелень понюхать можно с лоджии — она как раз на склон горы выходит — той, на которой телевышка стоит. И весь этот склон просто утопает в зелени, нюхай — не хочу.

Правда, в этот вечер мы уже ничего нюхать не стали; поужинали только, приняли душ и уснули как убитые. Во всяком случае, я. Вот ведь интересно: полтора дня в поезде ехал, ничего не делал, только на полке валялся, а устал. Зато родители меня порадовали – уступили место на лоджии – той самой, что на гору выходит; на этой лоджии, кроме тахты, ничего нет, зато окошко можно распахнуть, чтобы спать не жарко, да и вообще – это хоть и маленькое, но отдельное жилище: я привык уже, что дома у меня отдельная комната.

Да ладно, чего я про лоджию! Ерунда это все, где жить и на чем спать, когда море рядом. И рано-рано утром мы проснулись, умылись, чаю попили – и бегом на море! Серьезно, бегом, – наперегонки. Выиграл я. Добежал до самой воды и запрыгал от нетерпения – ждал, пока папа с мамой прибегут. Оборачиваюсь, а они идут себе в обнимочку, не спеша. Устали! Вот ведь странные люди – тут море плещется, а они обнимаются!

– А ты чего не купаешься? – спрашивает папа.

– Так я же вас жду! – обомлел я от такого вопроса.

– А чего нас ждать? Море – вот оно. Раздевайся, да ныряй!

– Нет-нет, – испугалась мама. – Ты что говоришь, Витя? За ребенком надо смотреть, когда он в море купается, что ты!

Ну, вот! Опять я ребенок... Но сейчас даже мамины обидные слова меня не расстроили. Я мгновенно стянул футболку с шортами и ринулся в воду.

Ах, как это здорово! Да что рассказывать – все и так знают, что такое теплое, и в то же время ободряюще-прохладное, ласковое, соленое, доброе и веселое, синее и прозрачное Черное море! А кто не знает... Разве это расскажешь!

Я плавал, нырял, кувыркался, бесился в воде до одури! Папа успел искупаться, позагорать, снова искупаться, а я все не мог насладиться, наплескаться... Если бы не позвала мама, я бы, наверное, плавал-нырял до самого вечера.

Но мама позвала – и очень строгим голосом. Раз уже, наверное, в пятый. А когда мама зовет таким голосом, как в этот, восьмой раз – с ней лучше не спорить. Вот странные люди! Папа два раза зашел в море на пять минут – и ему хватило, лежит вон, белый живот солнышку выставил. Мама вообще разик в воду окунулась, там, где даже мне по пояс – и тоже лежит, будто никакого моря рядом нет. Стоило ехать в такую даль!

Впрочем, мама не лежит. Мама стоит у самой воды и машет мне кулаком. Голос у нее уже осип...

– Гарик, если ты не будешь слушаться, на море больше не пойдешь!

Здрасьте! А зачем же я тогда сюда ехал? Но я знаю, что мама шутит, хоть и сердится сейчас всерьез, поэтому безропотно падаю на подстилку, раскинув руки-ноги в стороны. Солнце мигом высушило кожу, стало тепло и приятно. Захотелось мурлыкать.

– Смотри, синий весь! – не унималась мама. – Витя, хоть

ты ему скажи!

Но папа, приподнявшись на локте, смотрел куда-то мимо нас. И облизывался! Мы с мамой посмотрели туда же. По пляжу шел парень – такой же подросток, как я, может, чуть старше и тащил в вытянутых руках – то ли поднос, то ли фанерку, а на нем (или на ней) розовело что-то в три ряда...

– Раки!.. – простонал папа и снова облизнулся.

– Какие раки? – фыркнула мама. – Раки в море не живут.

– Здесь есть реки, в них есть раки, – скороговоркой выдал папа, не отрывая взгляда от парня, а тот, подойдя уже совсем близко, певуче закричал:

– А вот, кому раковины рапанов?! Раковины рапанов! А-а-атличный сувенир!

– Тьфу ты! – вновь плюхнулся на гальку папа. А вот я... Я вскочил и остолбенел... Мне показалось вдруг, что дунуло холодным ветром, отчего мурашки побежали по коже и тонкие волосики на руках и ногах разом вздыбились и даже, по моему, зашевелились.

Я понял, что хрустнуло вчера в моей сумке!

Глава 2. Прежде чем что-то ломать, нужно думать!

Я несея назад быстрее, чем к морю. За мной едва поспевал, отдуваясь, папа, а мама вообще отстала и сердито кричала вслед, чтобы мы ее подождали, что стоило ехать на море, чтобы в первый же день удирать от него без оглядки, что это ужасно несносный ребенок, что она вообще сейчас развернется и пойдет загорать одна...

– Катик, – оборачивался папа, вытирая пот со лба, – ну, ты же знаешь, в первый раз вредно долго загорать...

– Мне – не вредно! – отвечала мама, догнав нас наконец. – У меня отпуска всего две недели. Если я буду соблюдать дурацкие правила, то приеду домой белой!

– Ну, мы еще сходим после обеда, – успокаивал папа маму. – Ребенку действительно вредно...

– Это ребенок у нас вредный! Ну, что, скажи, – что случилось? Куда ты так сорвался? – это уже относилось ко мне.

Странные люди! Я их что, звал за собой? Я прекрасно нашел бы дорогу и сам! Тут идти-то всего пять минут, а бегом – вообще две. Нет, понеслись за мной, словно я в Антарктиду собрался! А я теперь и виноват...

– У меня сумка не разобрана, – буркнул я.

– Сумка?! – закричала мама громче прежнего. – И ради этого ты сорвал нас с пляжа?! Ты что, перекупался?

Нет, мама у меня добрая. Только нервная система у нее расшатана. Она сама так все время говорит, я не выдумываю. Вот, мол, с такой работой от нервов скоро одни тряпки останутся. Но я и про сумку правду сказал. Ведь вчера я сразу уснул, и разобрать вещи у меня просто не осталось сил. А про хруст в сумке я вообще забыл. И только сейчас вспомнил, когда парень ракушки пронес. Ведь у меня в сумке могла хрустнуть только ракушка!

Мне эту ракушку папа привез, с Кольского полуострова. Туда метеорит весной упал, и папу в командировку послали. А когда он и другие журналисты на место приехали, их военные к метеориту не пустили. Сказали, что это вовсе не метеорит, а военный самолет, истребитель-перехватчик. Случилась авария, загорелся мотор, самолет упал в лесное озеро, но летчик успел катапультироваться. Никто не пострадал, так что, мол, разойдитесь – военная тайна. Но папа не разошелся, сделал вид, что поверил, а сам вокруг озера по лесу побродил. Увидел срезанные макушки деревьев. Но их и самолетом могло срезать, и метеоритом. А больше так ничего и не нашел, только эту ракушку. Большую, с ладонь, и на ладонь как раз похожую, только не розовую, а голубовато-серую. Из нее пять отростков торчало – и впрямь как пальцы. Только очень тонкие, с карандаш. Самое странное – откуда в заполярном лесу ракушка? Но папа ее привез в редакцию, показал начальнику, хотел статью написать. А главному редактору уже военные позвонили и про военную тайну сказа-

ли, так что он папе статью писать не дал. Тогда папа подарил эту ракушку мне. Вот я ее и взял с собой на море, дурак! И, видать, один из «пальцев» у этой ракушки отломился. Гадство какое!

...Ну конечно! Я так и знал... Один отросток ракушки лежал в сумке отдельно. Без него ракушка смотрелась уродливо, даже в руки ее брать не хотелось. Я чуть не разревелся. И, пожалуй, сделал бы это, если б в голову мне не стукнула вдруг дурацкая мысль... Что я подумал тогда, когда сломал ракушку? Вот именно! Я подумал, хорошо бы, чтоб Елизавета Николаевна жила в Лазаревском и пустила нас к себе пожить. И что случилось дальше? А именно то и случилось, что я подумал! Разве так могло получиться само собой? Нет, может и могло, но... Разве так бывает?! На самом деле, в жизни? Да ни за что, точно говорю! Я сколько раз думал на уроках: вот бы меня не вызвали к доске! Бывает, что и не вызывают, но чаще почему-то – наоборот. Так то в классе, где всего нас двадцать два человека. А тут! Сколько в нашей стране мест, куда могла бы уехать Елизавета Николаевна? Точно не знаю, но уж никак не двадцать два! К тому же, она могла ухать и за границу. Тогда вообще – караул! Это раз. А сколько в том же Лазаревском людей сдают жилье? Наверное, много, и все-таки не все ведь... А к поезду именно нашему сколько из них пришло? Совсем немного. Это два. И чтобы вот так совпало, чтобы именно среди них оказалась моя учительница? Именно когда я об этом помеч-

тал? Что-то мне плохо верится. Но она ведь пришла? Тьфу ты, я совсем запутался!

В общем, мысль моя была такой: я подумал об учительнице сразу после того, как сломалась ракушка. И Елизавета Николаевна оказалась на перроне. Так не ракушка ли это устроила?

Это глупости, конечно, мы не в сказке живем... Но что стоит проверить? Вот она – ракушка, все равно уже сломанная. Надо просто отломить еще один «палец» и загадать какое-нибудь желание.

Я внимательно посмотрел на ракушку. На тыльной стороне «ладони», там, где у настоящей ладони выпирают костяшки, красовались узоры, чуть-чуть выпуклые и чуть более светлые, чем сама ракушка. На обычных рапановских ракушках тоже есть узоры, но эти показались мне странными. Они были не симметричными и друг на друга не похожими. Словно иероглифы какие-то. И как я раньше этого не замечал?

Но узоры узорами, а проверить действие ракушки все-таки стоило. Что бы такое задумать?.. А что думать? Пусть ракушка снова будет целой! И я хрустнул вторым ее «пальцем». Ничего не произошло, а ракушка стала еще более уродливой.

Зато подул ветер. Странно, какой ветер может быть в закрытой комнате? Или это сквозняк? Я обернулся посмотреть, не открыта ли дверь – и ахнул! По всей комнате

мерцали какие-то странные тени, вроде бы человеческие, но взглядом совершенно неуловимые. Причем, они свистели и тонко-тонко пищали. Похоже, они-то и поднимали как раз в комнате ветер...

Ой! Ой-ей-ей!!! Эти тени стали ширкать по мне! По плечам, лицу, рукам... Больно так, словно наждачкой! Я поднял руку. Ну, точно, расцарапали до крови!

А потом... Потом вообще ужас начался! Тени швырнули меня на кровать и сдернули с меня рубашку – в один миг! Кожу обожгло как кипятком, живот и грудь вмиг покраснели. Тут я не выдержал и заорал в полный голос. Рубашка снова оказалась на мне, а тени на какое-то время исчезли. Я успел лишь подняться с кровати и схватить злосчастную ракушку, как они налетели снова, засвистели пуще прежнего, зашаркали по мне своей «наждачкой», больно-пребольно затолкались... Я визжал как резаный! Еще бы! Завизжишь тут... А потом меня схватили, и я полетел. Через комнату, прихожую, вниз по лестнице – все за одну-две секунды! И очутился в машине, очень похожей внутри на «Скорую помощь», как ее показывают в кино. Я лежал на носилках, а машина просто тряслась, грозясь развалиться. Она издавала при этом такой звук – как комар, только в тысячу раз громче. У меня аж заныли зубы вдобавок ко всем царапинам и ссадинам, что оставили на мне «тени». И мне показалось, что рядом сидит мама... Во всяком случае, в машине тоже была «тень». Только более плотная, что ли. Но все равно расплывчатая

и туманная. Я, с трудом пересилив тряску, повернул голову к окну. В нем все просто мелькало – дома, деревья, люди, машины, сливаясь в сплошную пеструю ленту... С какой же скоростью ехала эта «Скорая»? Так и на «Формуле-1» не гоняют!

Потом тени снова потащили меня – на носилках, теперь я это понял. Вокруг замелькали окна, двери, коридоры... Наконец, этот сумасшедший полет, от которого меня уже затошнило, закончился, меня снова швырнули на кровать, и на пару секунд оставили в покое. Я успел лишь понять, что очутился в больничной палате: пахло лекарствами; кроме кровати в комнате стоял лишь стол, тумбочка, да белел умывальник в углу. Я был прошлой зимой в больнице – навещал Мишку, когда он сломал ногу.

Самое плохое, я никак не мог собраться с мыслями. Конечно, я испугался. Причем, сильно. Но, поняв, что попал в больницу, чуток успокоился. Значит, тени мне просто мерещатся. Может, я и правда перекупался или перегрелся на солнышке? Сейчас придет врач, послушает меня, даст выпить лекарства... Пусть даже укол сделает, я согласен! Лишь бы все стало снова нормальным.

Но расслабиться мне не дали. «Тени» налетели снова. Теперь они тормозили меня куда сильнее, чем тогда, в комнате. Первым делом они вырвали у меня из руки ракушку. Потом меня стали крутить-вертеть, шаркать по мне, шлепать, тыкать в меня больно-пребольно. Я снова закричал. Но «те-

ни» не обращали на это никакого внимания. Потолкались и потыкались еще и опять поволокли меня по коридорам и комнатам, делая остановки по две-три секунды, так что я успевал все же что-то рассмотреть. Так, я побывал в лаборатории – там стояли на столе пробирки с кровью и там же мне самому рассадили палец; брали что ли кровь? Зачем это «тениам»? Хотят распробовать на вкус?! Потом я очутился среди блестящих приборов – рассмотреть ничего толком не успел, потому что меня вертели словно юлу. Потом я уже плохо помню, где был, потому что от усталости, боли и страха я даже вроде бы терял сознание.

Очнулся я снова в палате, той самой, куда принесли меня сразу. В руке у меня, там, где она сгибается, торчала медицинская игла с прозрачной трубкой, которая тянулась к перевернутой бутылке на высокой подставке. И из этой бутылки прямо мне в вену качалась жидкость – именно качалась, будто в бутылке невидимый поршень двигался, так быстро убывала там жидкость! Секунд десять – и бутылка опустела... Тут же мелькнула очередная тень, дернула меня за руку – и сразу исчезли и бутылка с подставкой, и игла из руки.

Я лежал с полминуты, приходя в себя. «Тени» пока не появлялись. Зато я увидел такое, что и про «тени» забыл! В окошко палаты заглянуло солнце. Сначала я этому даже обрадовался. А вот потом испугался! Потому что солнце двигалось по небу! Нет, я понимаю, конечно, что оно и должно по небу двигаться, но не с такой же скоростью! И вообще,

вся эта ерунда с «теньями» началась еще до обеда, мы ведь рано вернулись с пляжа, а теперь солнце уже падало к горизонту! Я ведь не мог потерять сознание на полдня! Или мог? Да нет, конечно. Просто солнце взбесилось! Или... затормозился я... А что такое «тени»? Да это же обыкновенные люди! Только скорость, или, как его... ритм жизни у нас разный! Я живу медленнее, вот мне и кажется, что они носятся как угорелые, не успеваю даже их толком рассмотреть. А я для них – неподвижный чурбан. Представляю, как перепугались родители, увидев меня застывшим посреди комнаты! Я ведь, по их мнению, и не дышал даже... А почему так все вышло? Откуда эти чудеса? И почему именно со мной такое приключилось?!

Я подскочил на кровати. Так это же ракушка! Ведь началось все, когда я отломал второй отросток. Но я загадал совсем другое желание... А почему я решил, что ракушка – это камень исполнения желаний? Черт!... Прежде чем что-то ломать, нужно думать!

Кстати, а где ракушка? Я забегал глазами по палате: стол – на нем ничего нет, кроме пустого стакана и пузырька с лекарством; тумбочка – тоже пустая... А в тумбочке? Я распахнул дверку – пусто; выдвинул ящик – фу-у... вот она, моя дорогая! Или, скорее, проклятая, виновница моих несчастий. Да нет, при чем тут ракушка, это я дурак! Захотел на халяву золотую рыбку поймать.

Глава 3. Хрен редьки не слаще

Думать – так думать! Я взбил тонкую подушку, сел на кровать с ногами, подушку засунул под спину. Только я все это проделал – в палате моментально потемнело. Солнце рухнуло в море так стремительно, что сумерек я не успел заметить, сразу наступила ночь. Ну и хорошо, меньше шансов, что ко мне зайдут. Но и долго думать опасно – могут снова отобрать ракушку и унести. Тогда мне в нормальный мир не вернуться... А вообще, поможет мне ракушка? В первый раз она исполнила желание, во второй – превратила меня в «горячего финского парня» (я хихикнул, вспомнив смешной фильм про охоту). Что будет в третий? И зависит ли что-то от того, какой именно «палец» отломить у ракушки?

Думай, Гарик, думай!.. А что тут, собственно, думать? Если бы я мог прочесть иероглифы на ракушке! А так... Думай – не думай, а ломать следующий отросток надо. Хуже не будет! И я хрустнул третьим ракушкиным «пальцем».

И вовремя! Как раз распахнулась дверь, и в палату из коридора упал прямоугольник света. С тенью посередине. Не с той, призрачной, как те, что «доставали» меня целый короткий день, а с обычной, человеческой. Тень замерла у порога, а вовсе не шныряла по палате, норовя вытворить со мной что-нибудь побольнее. Но замерла что-то уж слишком надолго.

– Эй! – крикнул я. – Кто там?!

Крикнул – и не узнал свой голос. Он прозвучал глухо, словно я прижал ко рту ком ваты.

– А-а! У-у-у!!! – попробовал я еще раз. Звуки будто не улетали от меня, а падали тут же, на мягкое одеяло. Час от часу не легче... Я поднялся с кровати. Ого-го! Да воздух и сам стал как кисель! Я резко взмахнул рукой. Лучше бы я этого не делал! Руку обожгло, словно я бухнул ее в горячую воду. Я чуть не замахал ею снова от боли, но вовремя одумался.

Двигаясь осторожно и медленно, словно под водой, я все же дошел до двери и выглянул в коридор. Тень отбрасывала пожилая, толстая медсестра. Она держалась одной ладонью за дверную ручку, в другой блестел шприц, но самое смешное творилось у нее с ногами, точнее, – с одной ногой, правой. Она как раз занесла ее, чтобы сделать шаг. И забыла, видимо, опустить. Так и стояла, не шевелясь, на одной ноге. Ладно бы это была молодая девушка – выглядела бы она, наверное, не столь глупо. А пожилая, пузатая тетенька смотрелась в этой позе очень прикольно!

Но мне было не до смеху. Я уже все понял. Не помогла мне ничуть ракушка – она просто поменяла меня с остальным миром местами. Теперь я стал более «скоростным». Наверное, сейчас я казался медсестре мелькающей тенью.

Придется думать дальше. Я снова направился в палату. Каждый шаг давался мне с трудом: казалось, стоило начать

двигаться, как тут же поднимался мощный ветер, дующий прямо на меня. Знаете, как бывает, когда идешь зимой навстречу сильной метели? Только ветер этот был какой-то больной – совсем неподвижный. Приходилось даже наклоняться, продавливая всем телом упругий воздух.

Войдя в темную палату, я нашарил на стене выключатель и хлопнул по нему ладонью. Свет не зажегся. Вместо этого из выключателя медленно, как сонные мухи, полетели яркие оранжевые искры, а следом, совсем уж ползком, – осколки пластмассы. Тьфу ты! Придется сидеть в темноте.

Но долго я сидеть и не собирался, хотя и забрался снова на кровать с ногами.

Стыдно признаться, но в голову мне полезли вдруг нехорошие мысли. Даже неудобно говорить... Но это ведь только мысли, правда? К тому же, я и сам прекрасно понимаю, что они гадкие... Я ведь не собирался делать то, что подумал... Короче, я представил себе, как я легко могу сейчас разжиться чем угодно. Я мог бы ходить себе по магазинам и брать все, что захочу! Сладости любые, жевачку, чипсы... Да что там чипсы! Я мог взять компьютер самый навороченный, кучу любых дисков с играми и фильмами, планшет, дорожный смартфон. Я даже мог набрать себе денег сколько угодно! Стоит в любой банк зайти. Никто же меня не заметит и остановить не сможет. Пока увидят, как что-то исчезло вдруг из-под носа – я уже за десять километров буду.

Вот какие глупости пришли мне в голову... Это все, на-

верное, из-за боевиков и бандитских сериалов. Надо будет телик смотреть поменьше, а то прям самому за свои мысли стыдно!

А вот в школе бы мои теперешние способности пригодились точно. Вызывают меня, например, к доске. Пока училка еще только последнее слово произносит, я уже успею весь параграф выучить. А на контрольных списывать бы мог у любого отличника – ходи себе по классу да выбирай, у кого по черк лучше.

Но это тоже, конечно, глупость. Во-первых, я и сам не двоечник. А во-вторых, учителя вообще бы не замечали, что я в классе, и ставили бы мне сплошные пропуски. Разве что сидеть минут десять (моих минут, а для них, может, всего две секунды) не шелохнувшись... Но это ведь невозможно! Да и все равно, смысл какой? На две секунды появлюсь, а потом на глазах у всех стану «тенью». Вот переполоху-то будет!

Нет уж, ничего хорошего от моей супербыстрой жизни ждать не приходилось. Тем более, и состарюсь я так быстрее всех своих друзей... Нет-нет-нет! У меня даже плечи передернулись, расталкивая воздушный кисель.

В общем, нечего тут было больше думать, глупостями мозги засорять. Что медленным быть в быстром мире, что быстрым в медленном – как говорит папа, хрен редьки не слаще. Не знаю, ни хрена, ни редьки я не пробовал, а вот разные эти скорости я на себе испытал. Не понравилось! И я отломил четвертый отросток у ракушки.

Глава 4. В краю незаходящего солнца, или О казусах сна на свежем воздухе

Хорошо, что я и так уже лежал, а то бы, наверное, упал. Я очутился в лесу! Лес был каким-то хиленьким, редким, с низкими кривыми березками. Но сразу я не обратил на это внимания, мне хватило и того, что вместо кровати подо мной оказался мох, а вместо больничных стен вокруг – деревья. Не важно, кривые или прямые.

Я вскочил на ноги. Хорошо хоть, воздух оказался обычным. Да и листья на березах шелестели, как им и полагается – с нормальной скоростью и звуком. Но даже это меня не сильно обрадовало. Какая уж там радость, я просто сел снова в этот дурацкий мох и заревел.

Папа говорит, что слезами горю не поможешь. А попробуй тут удержаться, когда такие дела творятся! Лучше бы я эту ракушку вообще никогда не видел. И зачем ее папа привез с этого Севера? Лежала бы она в своем лесу...

Я сразу перестал плакать. Нет, все-таки есть во мне что-то такое... Шестое чувство, что ли, или, как ее там... интуиция? Слово «лес», которое я сказал мысленно, заставило эти мои мысли сначала скукожиться, затем распрямиться, а потом и сложиться в вопросительное предложение: «А не тот ли это лес?» И что-то внутри меня подсказывало: «Тот, тот! Какой еще-то?»

Вот тогда я и осмотрелся внимательно. И что березки невысокие и кривые заметил, и белый мох под собой разглядел и солнце... Да-да! Я ведь ночью сюда попал, а солнце, хоть и у самого горизонта, хоть и не ослепительно-ярко, но светило. Лес-то редкий был, да еще и на склоне небольшого холма рос, так что солнышком среди ночи я полюбоваться сумел. И тут же вспомнил, как папа рассказывал, что на Крайнем Севере, за полярным кругом, солнце летом не садится круглые сутки. Так что я больше почти не сомневался, что оказался именно там, где папа нашел злосчастную ракушку. А когда увидел, что под холмом, между деревьев, поблескивает вода, а макушки у тех деревьев срезаны, словно ножом, окончательно это понял.

Понять-то я понял, а что делать дальше все равно не знал. Можно было поискать людей – папа рассказывал, что это место недалеко от города. Насколько недалеко? Он говорил, что ехали на машине. Не помнил я больше ничего: долго ли, коротко ли ехали, в какую сторону... А может, папа и не рассказывал про это. Кабы я знал заранее – все бы выпросил! Теперь мне оставалось разве лишь одно – залезть на вершину холма и оглядеться. Но холм-то – это только я его так называю, на самом деле – это гора целая! Не огромная, конечно, не такая, на которые альпинисты лезят – эта была и ниже и совсем не крутой. По-моему, их на Севере сопками называют. Тьфу, да не все ли равно, как этот холм называется, главное было то, что я ото всех переживаний сильно устал,

и ноги мои отказывались совершать какие бы то ни было восхождения. Оставалось одно: устроиться где-нибудь под кустиком и постараться уснуть, чтобы утром все же забраться на эту чертову гору.

Имелся, правда, еще один путь... Ведь у ракушки остался последний отросток. Можно было отломить его и посмотреть, что из этого получится. Только мне совершенно расхотелось ломать что-либо у этой ракушки! Мне и на саму-то нее смотреть было тошно. Может, выкинуть ее, вернуть на законное место? Вдруг тогда она сжалится надо мной, и я окажусь рядом с мамой и папой в нормальном мире? Попробовать стоило.

Но сначала я все же нашел местечко для ночлега. Оказывается, кроме берез здесь росли и ели, вполне нормальные, высокие и колючие. Я увидел их левее и чуть ниже по склону. Ну, ниже – не выше, вниз я все-таки спустился. Нижние ветви одной старой елки раскидистым шатром опускались до самой земли. Я залез в этот шатер как в палатку. Оказалось довольно уютно, лишь кололись иголки, обильно рассыпанные по «полу». Свернулся калачиком и приготовился заснуть, но вспомнил о ракушке: я ведь собирался оставить ее в лесу. Вылезать наружу не хотелось – сон уже почти сморил меня, – и я подумал: а не все ли равно, где я эту ракушку оставлю, под открытым небом или под елкой? И я просто-напросто положил ее рядом с собой на пожелтевшую хвою. И тут же заснул.

...А вот дальше... Дальше я не знаю, что и было. Правда, до сих пор не уверен: приснилось мне то, что произошло дальше, или это все-таки был не сон? В первое верится легче, зато второе все объясняет. Ну или почти все. А может, у сна на свежем воздухе есть какие-то свои особенности? Я ведь никогда не спал прежде в лесу...

В общем, только-только я уснул, как меня сразу и разбудили. Тоненький такой голосок, девчоночий. Что-то он пел негромко, слов я не смог разобрать, только была эта песня такая грустная, просто плач какой-то, а не песня! Я еще сквозь сон успел подумать: «Ну вот, девчонка тоже заблудилась!..» А потом разом очухался, будто и не спал. Надо, думаю, вылезать, успокоить дуреху. Но вылезать почему-то не хотелось. Да что там «не хотелось» – страшно мне стало! Не до ужаса, но неуютно очень – мурашки аж по коже побежали... Хотя, по ней, может быть, и впрямь муравьи ползали, настоящие.

Странные все-таки мы, люди, существа! Вот страшно тебе, так и сиди под своей елкой, и дыши через раз в тряпочку! Нет, надо вылезти. Чтобы еще страшнее стало! Мне и стало. Как только вылез – сразу же. Потому что девчонка оказалась никакой не девчонкой, а голубоватой тенью. Но не такой «тенью», о которых я уже рассказывал, – те-то были все же людьми, только быстрыми очень, а вот эта тень к человеку ну никакого отношения не имела, факт! Руки у нее, правда, были, и ноги, и даже голова, но все такое тонюсенькое, хрупкое, полупрозрачное... На лице – два темно-лиловых глаза. Вот

они-то как раз были огромными – в половину этого крохотного личика. Ротик на личике – узкая щелочка. Волос нет, ушей тоже нет. И все это, вместе взятое, ростом – мне по горлышко.

Я собрался уже было заорать, даже воздуха набрал, но голубинка мне и говорит вдруг... Да, это уж потом я стал называть ее «голубинкой», тогда-то, сразу, я ее никак не называл, но ведь назвать как-то надо, «тень», как я уже сказал, здесь не очень подходит. Так вот, я рот раскрыл, чтобы заверещать, как следует, а голубинка и говорит:

– Не бойся меня, я тебе ничего плохого не сделаю.

Я хотел ей ответить, что нисколечко и не боюсь, а у самого губы трясутся, и ничего ими сказать не могу. Зато у голубинки как раз губы совсем не шевелятся, похоже, говорит она со мной мысленно. Да и нет у нее никаких губ – говорю ж, вместо рта щелочка...

– Успокойся, сядь. – А ведь и впрямь, мысленно она со мной разговаривает! Слова-то прямо в голове у меня звучат. Мне бы еще больше испугаться, а я наоборот успокоился. Может, голубинка в моих мозгах покопалась и страх включила?

Я опустился прямо на землю, в белый мох этот, и сказал наконец:

– Кто вы?

Голубинка тоже на мох села – он даже почти не примялся под ней, – отвечает:

– У меня нет имени в том смысле, что придаете ему вы.

– А почему вы здесь? – Я мог бы, наверное, спросить и что-нибудь поумнее, но тогда не сумел.

– Мне нужно забрать то, что оставили мои друзья.

Я почему-то сразу догадался, что она говорит о ракушке. Все же есть во мне шестое чувство, что ни говорите! Сунул я руку под еловые ветки, пошарил там и вытащил ракушку.

– Это? – спрашиваю.

– Да! – обрадовалась голубинка. – Дай ее мне.

Я протянул ракушку, а сам испугался, что вот, коснутся меня сейчас холодные пальцы, схватят... Но пальцы оказались не холодными, а наоборот – теплыми и мягкими. Только их было всего четыре. Голубинка бережно приняла ракушку и грустно сказала:

– Ты сломал ее... Разве можно так?

– Я нечаянно, – ответил я и почувствовал, что краснею. На самом-то деле нечаянно сломался только первый отросток...

Голубинка совсем по-человечески покачала головой, сунула куда-то ракушку, словно за пазуху, а оттуда достала точно такую же, только целую. Растопырила все свои четыре пальца на правой руке, положила ракушку на ладонь, и та будто срослась с нею, только пятый отросток остался торчать сиротливо чуть в сторону.

– Вот, видишь, как надо? – сказала голубинка и слегка пошевелила пальцами, вместе с отростками ракушки, которые

словно стали резиновыми, приклеенными намертво к голубым пальцам.

– А что это вообще такое? – спросил я, набравшись храбрости.

– Это такой... – в мозгу моем будто что-то зашипело, зацелкало, подбирая подходящее слово по-русски, – прибор, устройство, манипулятор. Он есть у каждого исследователя. Похожее устройство имелось и в капсуле, только больше и мощнее.

– Какие исследователи? Какая капсула?! – Я даже вскочил на ноги. – Вы с другой планеты?!

– Не просто с другой планеты, мы – из иного мира. Пространство, материя, само время имеют у нас отличную от вашей природу.

– Так значит, это ваша капсула упала весной в озеро? – в очередной раз догадался я.

– Да, произошла катастрофа – в момент выхода капсулы из подпространства в той же точке оказался ваш летательный аппарат. Человек остался жив, наши исследователи успели выбрать для него оптимальную вероятность, но сами погибли.

«Так значит военные не вняли насчет самолета, – подумал я. – Интересно, знали они про чужих?» Вслух же сказал другое:

– Жалко исследователей! – Мне и правда жаль было чужаков, пожертвовавших ради землянина жизнью. Не знаю,

смог бы я когда-нибудь поступить так же... – А вы тоже были в капсуле?

– Нет, иначе бы погибла и я. Меня прислали, чтобы спасти исследователей той экспедиции...

– Спасти?! – я решил, что «переводчик» у меня в мозгу сломался. – Но они же погибли, вы сами сказали!

Вот тогда-то голубинка и рассказала мне подробно о «ракушке». Понял я, конечно, не все – это надо, небось, в одиннадцатом классе учиться, чтобы все понять. А может и самый-пресамый крутой профессор во всем бы не разобрался... Но как уж понял, так и расскажу.

Короче, первый отросток (он как раз и сломался у моей ракушки в поезде) включал поиск этой самой вероятности, с помощью которой чужие исследователи спасли нашего летчика. А моя ракушка «поселила» Елизавету Николаевну в Лазаревское. Тут как раз самое запутанное в объяснениях голубинки и начиналось... В общем, не знаю, я уже говорил... Я всего шесть классов пока закончил, и то потому что с шести лет в школу пошел. Но дело там у них выглядело так, что они умели выбирать из того, что может случиться. Например, могут сегодня на уроке к доске вызвать, но могут и не вызвать, тогда можно выбрать, чтобы не вызвали. Или наоборот, чтобы вызвали, но только если ответ знаешь и можешь получить четверку или пятерку. И даже тогда выбрать, чтобы именно пятерку получить. Но выбрать можно только то, что и на самом деле может случиться. Нельзя захо-

теть стать человеком-пауком, потому что на самом деле такого не бывает. То есть, захотеть, конечно, можно, но ничего не получится – такой вероятности развития событий просто нет. Оказывается, все эти вероятности как бы уже существуют, словно развилки на дороге и надо просто выбрать, по какой ехать. А потом снова развилки, на новой развилке свои развилки... Это как ветки на дереве, так и голубинка сказала и даже показала на березу, чтобы мне понятней стало.

Второй отросток, как я и сам правильно догадался (все-таки есть в моей голове мозги, зря мама ругается, странный она человек!), замедлял время исследователя относительно времени окружающей действительности (это я слова голубинки повторяю, но я их понял, не дурак). Например, чтобы поскорее дожидаться какого-нибудь важного события. Я бы каникулы так ждал с удовольствием!

Третий «палец» (и это я тоже понял сам) наоборот ускоряет время того, кто на него нажал. Это исследователям было нужно, чтобы внимательно исследовать (не зря же они исследователи!) что-то, что очень быстро происходит. Например, полет мухи. Можно рассмотреть каждый взмах крылышек. Я бы тоже посмотрел, мне всегда было интересно, как же муха успевает увидеть, когда я на нее замахиваюсь, и улететь до удара. Может, у нее реактивный двигатель запускается?

Четвертый отросток включает в ракушке поиск капсулы и моментальный возврат к ней исследователя. Тут опять начались непонятки, всякие там искривления простран-

ства-времени, надпространственные и подпространственные (что, оказывается, совсем разные вещи) переходы... Смысл же такой, что если вдруг заблудился или угрожает опасность – сжал четвертый палец (вместе с ракушкиным) и оказался возле капсулы. Так и я оказался возле северного озера – хоть сама капсула и разрушилась чуть ли не на атомы, но просыпались эти осколки в озеро и рядом с ним, и даже их ракушка учуяла.

А вот с пятым «пальцем» самое интересное связано! И тоже для меня не сильно понятное. Оказывается, он и расположен отдельно, чтобы на него случайно не нажать. Дело в том, что он отменяет последнее изменение вероятности. Это как в компьютере нажать «Отмена», когда уже что-то сделал. Сделанное пропадет и вернешься к тому, с чего начал. То есть с ракушкой – вернешься в момент, до того как нажал первый отросток. А чтобы не нажать снова первый и так до бесконечности – ракушка оставляет тебе память о том, что с тобой было, когда вроде ничего еще и не было... Вот так вот!

Глава 5, заключительная. Дерево или куст – вот в чем вопрос!

После объяснений голубинки я даже устал, хотя ничего и не делал. Все-таки сложные вещи она рассказывала. Но интересные, прям до ужаса! Честно. Мне они показались интересней компьютерных игр и киношных боевиков. Самое странное, захотелось даже чуточку в школу, подучиться как следует, чтобы лучше во всем разобраться... Но совсем чуточку, самую-пресамую маленькую.

Я одного все-таки в рассказе голубинки не понял: как она собирается спасти своих друзей? Ведь их ракушка, которая оказалась у меня, последнюю вероятность выполнила про Елизавету Николаевну. Ну, нажмет она пятый «палец», я окажусь в поезде... Но в то время исследователи-то будут уже мертвыми!

В общем, я так и спросил голубинку.

– Ты прав, – сказала она. – Но у меня есть другой манипулятор. Перед каждой экспедицией, перед каждым вообще рискованным мероприятием, мы оставляем так называемое контрольное устройство, чтобы можно было при неблагоприятном исходе все повернуть вспять. В этом случае контролером являюсь я. Это я, нажав первый выключатель, отправляю капсулу с исследователями сюда. Теперь я могу воздействовать пятый.

– Так почему же вы не сделали этого сразу?! Зачем полетели сюда? – не удержался я.

– Потому что здесь оставалось еще одно устройство. Когда манипулятор активирован, он дает о себе знать. Вот мы его и «услышали»...

– Ну и что?

– Мы не знали, активировали его сами исследователи или... жители вашего мира.

– Ну и что? – повторил я снова.

– Помнишь, я сравнивала вероятности с деревом? Как бы далеко ты не забрался по его веткам, всегда можно вернуться к стволу, к тому месту, откуда начал расти «сук» выбранных вероятностей. А еще я говорила тебе, что мы и вы живем в совершенно разных мирах, у которых нет ничего общего – ни пространства, ни времени... Мы тоже знаем не все. Мы не знаем, например, что будет, если из вероятности, выбранной в нашем мире, существо мира иного выберет свою вероятность. Будет ли это новая ветка того же дерева, или это будет уже новое дерево, растущее из того же корня? Тогда это будет не дерево даже, а, скорее, куст.

– Ну и что? – уподобился я попугаю, «зачтокав» в третий раз.

– Я не знаю, что будет с тобой, если я нажму пятый выключатель своего манипулятора. Ведь на втором устройстве вероятность выбрал именно ты?

– Да, – кивнул я. Чего уж тут скрывать! – А что будет, если

я нажму выключатель на той раку... на том приборе, что был у меня?

– Скорее всего, ты вернешься в точку, где был до того, как устройство активировалось.

– А исследователи?!

Голубинка промолчала. Но я все понял и так.

– Тебе решать... – Голос пришелицы прошелестел в моей голове еле слышно.

– Постойте! – Мне показалось, что я нашел выход. – Но ведь сначала я могу вернуться, а потом уже вы нажимайте свой выключатель!

Голубинка ненадолго замолчала. По-моему, ей понравилась моя придумка. Я уже хотел чуть-чуть загордиться, но тут пришелица спросила:

– Ты сознательно активировал манипулятор?

– Вообще-то нет, – признался я. – У него эта штуковина отломилась, когда он в сумке лежал.

– Вот видишь, – печально сказала голубинка. – Все вернется за мгновение до того, как сломался выключатель. Ты уже не успеешь это предотвратить.

– Ну, я не буду загадывать того желания... той вероятности, что выбрал тогда. Я ведь буду все помнить, вы говорили.

– Кто знает, смогу ли я найти тебя тогда... – совсем загрустила голубинка. – И я вообще не знаю, что произойдет с нашей вероятностью в этом случае.

Теперь загрустил и я. Мне очень жалко было отважных ис-

следователей и очень хотелось помочь голубинке их спасти. Для этого нужно было только решиться и сказать, чтобы выключатель нажимала она на своей ракушке. Но тогда со мной самим может случиться невесть что! А если и не случится, то ведь я окажусь снова в весне, а то и раньше – сколько там эти исследователи к нам летели? А вдруг год или два?! Это что, мне снова в пятый, а то и в четвертый класс идти?! Даже четверть снова учиться вместо каникул – и то неохота... Но и это еще не самое страшное. А вдруг получится такая вероятность, где я вообще не родился, или родился, скажем, девчонкой... Вот кошмар-то!

Тут я подумал, что ведь исследователи спасли нашего летчика, а сами погибли. И я вспомнил, что думал уже, смог бы я поступить так же на их месте. Вот я и оказался почти на их месте... А почему почти? Они ведь тоже, оказывается, знали, что их еще могут спасти, хотя и не были уверены полностью. Я также знаю, что со мной все может быть в порядке, но тоже не уверен.

Я почувствовал, что вспотел, хотя северная ночь выдалась прохладной. Небо заволокли низкие тучи, потемнело, заморосил мелкий, словно пыль, дождик.

Я подумал еще, а если меня не станет, сильно ли огорчатся папа с мамой? Но тут же обозвал себя дубиной и тупицей – ведь папа с мамой и знать про меня тогда не будут! Это меня немного успокоило, ведь больше всего я жалел их. Потому что сам-то я все равно ничего чувствовать уже не буду. Это

жутко представить, невозможно даже, но это ведь так. А вот мама, папа, родные, друзья – они будут горевать... Но раз получается, что никто по мне убиваться не станет, то что ж... Рискнем? И быстро, чтобы не передумать, я сказал, почти крикнул:

– Жмите свою ракушку! Скорее!

От волнения я снова назвал манипулятор ракушкой, но голубинка меня поняла. Поняла она, вроде бы, и мою то-ропливость... Да она вообще, кажется, читала мои мысли. Ну и пусть!

Я еще успел подумать, что забыл попросить голубинку, чтоб она показала мне капсулу, на которой прилетела к нам, но пришлица уже вытянула руку с обхватившим узенькую ладонь манипулятором. Отставила мизинец (или это у нее безымянный получается?), и надавила на пятый отросток. Перед этим она успела шепнуть:

– Спасибо, человек!

Меня так защекотало приятно внутри от этого обращения... Папа часто говорит: «Человек – это звучит гордо!» И впрямь гордо. Здорово так! Я даже зажмурился от удовольствия. А когда открыл глаза...

...в окна поезда прыгнуло море! Поезд только что отошел от туапсинского вокзала и повернул в сторону Сочи. Я открыл рот и на это море уставился. Не потому, что залюбовался, а потому, что обалдел...

Что же это такое? Почему я оказался здесь? Ведь я приго-

товился быть сейчас или в гораздо более далеком прошлом, или вообще не быть! Но я очухался быстро и сразу полез в сумку. Стал лихорадочно вынимать из нее мое барахло, чтобы добраться скорее до дна, где лежала ракушка... Ракушки не было!

И тут мама набросилась на меня:

– Гарик! Ты чего творишь?! Нам выходить сейчас, а ты вещи вывалил! Ну-ка, собирай все назад быстро! И вон – фломастеры твои еще валяются, альбом...

Но я маму даже не слушал, а потянулся к папе:

– Пап, а где ракушка, что ты мне весной с Севера привез?

– С какого Севера? – почесал папа затылок. – Я не ездил весной на Север... Я же по Золотому кольцу ездил с американцами! Владимир, Суздаль, Кострома... И привозил я тебе не ракушку, а Троицкую церковь из Владимира. Макет, сувенирный... Ты что, забыл? Церквушку такую красивую?

– Церквушку... Не ракушку? Точно?

– Да откуда там ракушки! Там же моря нет. Вот приедем сейчас, будут тебе тут ракушки всякие-разные, знай выбирай.

– Какие ракушки?! – грозно крикнула мама. – Собирай сумку!

Я попихал все назад, уже не боясь, что сломаю ракушку. Альбом снова не влез, и мама положила его, как и в тот, первый раз, в сумку с продуктами.

Вообще-то я, хоть и удивился, что все так неожиданно по-

лучилось, но и обрадовался сильно. Во-первых, я жив-здоров, и даже не превратился в девчонку! Во-вторых, ракушка исчезла, папа на Север не ездил, а значит – исследователи спаслись. В-третьих, лишнюю четверть, или даже год, учиться не пришлось. Все получилось просто замечательно!

Правда, это вот, последнее, что вернулся я сразу в каникулы, хоть и радовало меня, конечно, но и беспокоило тоже. Почему так получилось? Не должно было так получиться. Ладно бы еще я попал в тот момент, после которого сломалась ракушка, но я ведь очутился чуть раньше, пусть и на несколько минут. Или это нормально? Но голубинка ведь говорила, что я ничего не успею... Да и случилось бы это, если бы я нажал пятый выключатель на своей ракушке, а не она – на своей. Нет, тут что-то не то...

Но долго раздумывать было уже некогда – поезд подъезжал к Лазаревскому.

...На перроне к нам снова подлетела шумная толпа дядек и теток, которые набросились на нас, словно вороны на кусок сыра (на самом деле я не знаю, любят ли вороны сыр, но басню Крылова в школе учил). Маму оттащили в одну сторону, папу – в другую, а передо мной ненадолго появился просвет. И я сразу увидел стоявшую возле лавочки... Елизавету Николаевну!

– Папа, мама! – хотел крикнуть я...

Да уж!.. Все слова и сами мысли разом вылетели у меня из головы. Я стоял, разинув рот, и ничего больше сказать

не мог. А вот папа на моем месте, пожалуй, сказал бы: «Дерево или куст? Вот в чем вопрос».

С днем рождения!

Мне снилась собака. Большой ласковый щенок по кличке Вольдемар, к тому же – говорящий, поскольку он-то мне и сообщил свое имя, а также породу – кокер-спаниель. О собаке я мечтал давно, поэтому сон мне, конечно же, нравился. То есть, во сне я не знал, что это мне только снится – мне просто нравилось всё происходящее. И когда щенок начал лизать мои волосы, я сначала удивился, а когда, открыв глаза, понял, что это был сон, даже расстроился. Но только на секундочку. Потому что рядом стояла мама и гладила меня по голове, приговаривая: «Просыпайся, именинник!», а за мамой возвышался папа – торжественно-строгий, но с глазами, полными рвущихся на свободу смешинок.

Я подскочил и сел, откинувшись на подушку, в ожидании продолжения. На одеяло передо мной легла темно-синяя картонная коробка, а папа положил на нее пестрый пластиковый квадрат. Конечно же, новая компьютерная игра! Я повертел коробочку с диском перед носом, прочитал название, описание и причмокнул. Папа знает мои вкусы! Вечером с ним же и сразимся. И еще неизвестно, кого труднее будет оттащить от клавиатуры! Я подмигнул папе и принял-ся за второй подарок. В синей коробке оказались кроссовки. Тоже синие, с серебристыми полосками-отражателями. Мягкие, бархатистые, чистенькие! Мне всегда жалко наде-

вать новую обувь – такая она нарядная и чистая! И как аккуратно не ходи, а к вечеру все равно это будет уже не новая обувь... Но кроссовки пока были новыми, и я даже прижал их рифлеными прохладными подошвами к щекам.

– Что, нравятся? – спросила мама.

Я кивнул. Еще бы! Кроссовки – вещь нужная. Я бы даже сказал – незаменимая. Тем более – скоро весна. Если быть совсем точным – уже и есть весна, почти три недели. Но это по календарю. У нас на Севере все чуточку не так. Зима в марте и не думает заканчиваться. Только светлее становится, солнечнее, а оттого радостнее. Вот как сейчас. И солнышко уже дорожку от занавесок до стены проложило, в которой пылинки, как золотые рыбки, бултыхаются, и папа с мамой стоят, обнявшись, улыбаются и на меня смотрят. При чем папа как-то по-особенному улыбается. Задумчиво, и даже как бы загадочно...

О-о-о! Я выпрыгнул из постели и потащил маму в соседнюю комнату.

– А папу ты уже поздравляла?! – зашипел я, косясь на тонкую дверь, отделяющую нас от папы. Я ведь чуть не забыл, что у папы тоже сегодня день рождения. Так уж нас с ним угораздило в один день родиться.

– Нет, конечно, разве я бы стала без тебя... – улыбнулась мама. – Пошли!

Мама достала из верхнего отделения стенки шуршащий сверток, я – из нижнего ящика – свой рисунок, и мы верну-

лись в мою комнату. Папа так и стоял возле моей взбаламученной постели и все так же по-особому улыбался – чуть-чуть загадочно и слегка растерянно, что ли...

– Поздравляем, дорогой! – чмокнула мама папину щеку и протянула сверток. Папа зашуршал целлофаном.

– Ого! С тройным лезвием! – одобрительно загудел он, вынимая подарки. – А парфюмерии-то сколько! Что я, барышня?

– Это же мужское, – принялась объяснять мама. – Это – лосьон после бритья, это – туалетная вода, это...

Я слушал радостное мамино перечисление всех составляющих подарка и смущенно вертел в руках своё поздравление папе – цветной коллаж, сделанный на компьютере в графическом редакторе. Что в нем особенного? Нужен он папе больно... Но что я ему могу подарить еще, если мне всего одиннадцать – хотя, уже двенадцать! – лет? Раньше я тоже дарил и папе, и маме рисунки – правда, не компьютерные, а выполненные обычными акварельными красками. Но тогда мне казалось, что родители и правда рады таким подаркам. А вот сейчас я почему-то засомневался. И даже солнышко, почувствовав мое сомнение, скрылось, золотые рыбки-пылинки исчезли...

Смущаясь все больше и больше, я все-таки протянул папе лист с поздравлением. Папа глянул на меня – снова как-то необычно, – взял рисунок, сказал «спасибо», внимательно рассмотрел мои «художества», прочитал стихи... Кстати, я

сам их сочинил. По-моему, неплохо даже получилось.

– Сам? – спросил папа.

– Сам, – пожал я плечами. – Только машину и цветы из других фоток вырезал...

– А у тебя талант! – похвалил папа. – Можешь стать неплохим дизайнером. А стихи откуда?

– Ниоткуда, сам сочинил... – совсем смутился я.

– Да ну?! Ира, ты глянь, Ромка отличные стихи пишет! – по-моему, папа удивился искренне. Это меня чуточку обрадовало. Да что там чуточку – по-настоящему обрадовало! И даже рыбки снова заплескались в солнечном ручейке.

– Теперь тебе выбирать придется... – притворно вздохнул папа.

– Что выбирать? – Я хоть и понял, что папа шутит, но смысл шутки до меня не дошел.

– Кем быть: дизайнером или поэтом! – засмеялся папа.

И я тоже засмеялся. И мама. И мы все взялись за руки, и пошли пить чай. Потому что день рождения, даже двойной, это хорошо, но школу и работу никто еще по этому поводу не отменял, как сказала мама. Ей-то хорошо рассуждать, день рождения не у нее! А даже когда и был – то пришлось на субботу, и на работу она не ходила. Я понимаю, что так не на каждый год приходится, но в этом году нам с папой определенно повезло. Ничего, в следующем году суббота как раз наша с папой, я уже посмотрел, а у мамы – воскресенье, тоже неплохо.

Нет, почему все-таки сегодня папа так странно на меня поглядывает? Пьет чай, а над чашкой глаза так и поблескивают в мою сторону! Будто сказать что-то хочет. Но не говорит, а лишь быстрее бутербродом рот себе затыкает. Спросить, что ли? Но мне почему-то становится страшно. Даже не страшно, а неуютно как-то... Словно боюсь, что если спрошу, испорчу себе и ему праздник. Я тут же подумал, что раз боюсь, значит все-таки страшно... Или нет? Пока я разбирался в своих запутанных сомнениях, папа уже допил чай, поблагодарил маму и скрылся в прихожей.

– Ты тоже давай, не зевай, именинник! – поторопила меня мама. – Уроки в честь тебя не перенесут.

И тут папа позвал из прихожей:

– Ромка, подойди-ка...

Папа был уже одет, и даже дверь приоткрыл. Неужели в последний момент сказать решился?.. По моей спине забегали тысячи маленьких холодных лапок.

Но папа сказал что-то совершенно «не в тему», как мне показалось. Он спросил:

– Ты знаешь, что такое семья? Откуда такое слово?

– Знаю, – сказал я. – Семь я. Ну, то есть, все в семье это как бы одно... О каждом надо заботиться, как о себе, и о тебе тогда тоже будут...

– Правильно. Но без «тогда». Не надо оглядываться: если я тебе сделал что-то хорошее, то и ты мне должен добром от-

платить. Надо действительно делать для членов своей семьи всё так, как для самого себя, и думать обо всех, как о самом себе. Поэтому и семь я. То бишь – ты, но в семь раз сильнее, умнее и лучше. В семье должно быть только так. Раньше нас учили: «Семья – ячейка общества». Да так оно и есть! Начинать с собственной семьи надо, и если в ней будет порядок, и так будет во всех семьях, то и общество будет сильным... – Папа прервался, глянул на часы и заторопился: – Ну, это я того... Заболтался! Потом поговорим. А о семье запомни: каждый – это ты, и родители, и дети, и внуки. За каждого стой – как за себя самого! И еще... – тут папа совсем замаялся, почесал нос, засуетился, шагнул за дверь и закончил уже из-за нее: – Не обязательно по носу бить, достаточно по плечу хлопнуть!

Я ничего не понял... Вот это – про нос и про плечо, но дверь уже закрылась. Да и про семью... Это, что ли, всё утро папа хотел мне сказать? Странно. Но погружаться в раздумья было уже некогда – выслушивать в собственный день рождения нотации Елены Петровны не хотелось. Я собрался моментально, правда, чуть не забыл пакет с конфетами для одноклассников – хорошо мама сунула мне его уже в дверях.

* * * * *

Из школы я выскочил абсолютно счастливым.

Во-первых, меня так классно поздравили! Девчонки про-

читали стишок, парни подошли и все руку пожали. Даже Елена Петровна улыбалась и шутила, а потом от всего класса блокнот с ручкой подарила. Как говорит папа, пустячок – а приятно!

Во-вторых, за вчерашнее сочинение мне пятерку поставили. Это вообще – настоящий подарок! Вообще-то у меня фантазия богатая – это уже мама так говорит, – и писать сочинения мне даже нравится, но вот знаки препинания слушаться меня никак не хотят, да и буквы так и норовят или местами поменяться, или вообще куда-нибудь спрятаться, а то и наоборот – вылезают лишние, там, где не надо! А в этот раз и буквы, и запятые решили, видимо, не портить мне день рождения и встали на свои места, как солдаты в строй.

И вот в третьих-то, сам день рождения! Мало того, что на завтра уроки делать не надо – суббота завтра, и кроме факультатива по английскому занятий в школе не будет, – так вечером придут дедушка, обе бабушки, тетя Катя... Раздвинем в комнате стол, будем все вместе есть всякие вкусности, пить чай с тортом, шутить, веселиться! Бабушки будут петь хором – здорово у них это выходит, – а дед начнет рассказывать анекдоты и истории, от которых просто падать под стол можно, а бабушки и мама с тетей Катей станут совместно дубасить деда по спине за некоторые словечки... Ну, а еще впереди – завтра, когда ко мне придут друзья. Так мы с мамой договорились, чтобы сегодня только с семьей посидеть. Ведь и правда, сегодня будет настоящая семья – семь

я. Именно семь! Я снова вспомнил папины утренние слова.

И тут я увидел ход. Снежные ходы, или попросту ходики – такая наша северная забава. Что-то я не слышал никогда и не читал, делают ли их ребята где-нибудь еще. Может, и делают, там, где снега много. У нас много, и мы делаем! Это ужасно интересно – в огромном сугробе плотного, слежавшегося за зиму снега рыть длинные извилистые ходы! Они пересекаются, разветвляются, как лабиринт, где-нибудь сходятся в общие «пещеры», где-то неожиданно выскакивают наружу... Ползать по ним – одно удовольствие! Впереди темнота, неизвестность (особенно если ход рыл не сам, и он еще тобою не изведен), немножечко жутко, зато таинственно и вообще круто! Правда, в двенадцать лет лазать по ходам не совсем солидно, но мне ведь только чуть-чуть двенадцать... Я посмотрел на часы: без пяти два. Мама говорила, что я родился ровно в два часа. Значит, мне еще нет двенадцати. И целых пять минут в запасе у меня имеются! К тому же – я огляделся, – поблизости никого нет. Смеяться надо мной некому. Я снял с плеч рюкзак и полез навстречу подснежным тайнам.

Эти ходы я раньше не исследовал. Не знал даже, что такие здоровские ходики кто-то нарыл совсем рядом со школой. (Вообще-то она – гимназия, но стала ею не очень давно, как раз когда я пошел в первый класс, так что по привычке и родители, и учителя называют ее школой, тем более, мой папа

именно в этой школе и учился.)

Сначала я прополз по основному ходу до самого конца, замечая, сколько будет боковых ответвлений. Их оказалось семь, а сам основной ход закончился тупиком. Это не очень интересно, гораздо лучше, когда, покрутившись в темноте по узким поворотам, вылезаете на белый свет совсем в неожиданном месте. Но ничего, семь боковых ходов – это совсем не мало. Хотя, может быть, я и залез как раз в ответвление, ведь основной ход – это только я так его назвал, потому что полез именно в него. Иногда делают основной ход специально – самый длинный и широкий, но часто вообще никакого основного хода нет, а все равны между собой, потому что переплетены так, что не сразу и выберешься.

Похоже, и тут было так же, потому что я немного запутался, в каком уже ответвлении по счету ползу... Закручивались ходики здорово, причем, иногда даже, кроме поворотов, опускались или поднимались, поэтому пересекаться вполне могли и в разных плоскостях (с математикой, геометрией особенно, в отличие от русского, у меня все было в порядке). В результате долгих ползаний – пять минут наверняка давно уже прошли, так что момент своего рождения я встретил в довольно необычном месте – я начал понимать, что не знаю, где выход. Сначала я даже не испугался, потому что это глупо – заблудиться в ходиках! Этого просто не бывает, так как ходы бесконечными быть не могут, а если заканчиваются порой тупиком, то достаточно повер-

нуть назад (или ползти задом, если ход очень узкий) и вылезти оттуда, куда залез. Я даже почувствовал, что краснею, представив, как надо мной будут ржать ребята, если я вдруг заблужусь! Мало того, что в двенадцать лет решил вспомнить детство, так еще и застрял в сугробе! Да, это действительно смешно. То есть, было бы смешно, если бы не стало вдруг очень страшно. Просто ледяной ужас снежных глубин забрался мне прямо под куртку и полез еще глубже – к самым внутренностям. Мне показалось, что я застрял в ходиках навсегда. Отчетливо так показалось, словно шепнул кто-то из холодной темноты. И я замолотил ногами и руками, отчаянно пытаясь, вместо того, чтобы ползти вперед. Я извивался ужом в тесной снежной норе, так, что снег вскоре забился мне в рукава и штанины, попал под куртку, охлаждал живот под выбившейся из-за пояса рубашкой. Но я не замечал этого холода, меня охладили страх и ужас (Фобос и Деймос – вспомнились мне совсем некстати одноименные спутники Марса). Наверное, я орал, но даже не осознавал этого. Не слышал я собственных воплей, не слышал ничего, зато отчетливо услышал, вываливаясь из хода в подснежную пещерку, мальчишеский вскрик: «Больно же!».

Мне не передать даже, как я тогда обрадовался. Я был не один! И рядом со мной находилось не порождение снежных глубин, неведанное и холодное, как могила, а обыкновенный мальчишка. Конечно, я его не видел в темноте, но я

слышал его хлюпанье (похоже, я заехал ему ногой по носу), его дыхание, чувствовал тепло его тела, остроту его локтей и коленок. Вот только почему-то этих локтей и коленок было очень уж много – мой нос тоже лишь чудом не пострадал, – да и пыхтел парень явно за двоих. И тут все прояснилось.

– Извини! – послышался еще один голос. Очень похожий на первый, но все же другой, потому что первый гнусаво проворчал:

– Распинались тут! Вы мне нос разбили, гады!

– Это кто гад?! – возмутился было второй, но быстро «остыл», поскольку тоже, видать (а точнее – слыхатъ), обрадовался, что он тут не один. – А кто тут еще есть?

– Я есть, – подал я голос.

– Кто – ты?

– Я, Ромка. Похоже, я заблудился. – Не знаю почему, но признаться в этом мне было тогда не стыдно.

– Да и я тоже – похоже, – хмыкнул второй.

Первый еще похлюпал носом, повозился, вытирая, видимо (опять же, скорее – слышимо), кровь и прогнусил:

– Я тоже заблудился. Вот, хорошо эту пещеру нашел... Сколько из нее ходов?

Я пошарил возле себя по стенкам. Кроме той дыры, откуда я вылез (если честно – вывалился), других ходов рядом не было.

– У меня один, – сказал я.

– Тоже! – подал голос второй.

– И у меня один, – сказал первый. – И что, нигде нет выхода?

Мы со вторым одновременно замычали. Нет, дескать.

– Что будем делать? – кто это спросил, было непонятно. Да и не все ли равно, если подумали об этом все разом.

– Я вперед полезу, – сказал первый. – А то вы мне снова по носу заедете... Надо же – оба сразу! Не железный, нос-то!

– Ну, извини, – повинился теперь и я. – Мы ж не видели!

– Не видели... – буркнул первый и завозился, забираясь в отверстие хода. – Лезьте за мной!

– Стой, – потянул я его за штанину. – Я читал, что в лабиринтах, чтобы не заблудиться, надо одной рукой все время вести по стене, не отрываясь.

– Чего же сам не вел? – глухо послышалось из хода.

– Я же не знал, что заблужусь. А когда понял, все сразу из головы вылетело.

– Знать, не многому вылетать пришлось, если сразу! – хихикнул второй.

– Ладно, остряк, – бросил я в темноту. – У меня хоть что-то вылетало!... – Продолжать почему-то не хотелось, и я полез в ход вслед за первым.

Удивительно, но сразу за поворотом, впереди забрезжил свет. Да что там забрезжил – впереди вовсю сияло солнце. Первый уже что-то радостно вопил у самого выхода. Надо же, ходик-то был всего ничего – метров пять! Ладно я –

может, я до этого хода еще и не добирался, – но первый-то пацан как мог в нем заблудиться?

Но мысль эта как мелькнула, так и пропала без следа, едва я высунулся наружу – на столь желанную свободу. Все страхи улетели разом – дунул свежий ветерок, и нету их!

– Вау!!! – завопил я, поднимаясь на ноги. Вот терпеть не могу это словечко, а почему-то вырвалось именно оно.

– Чоу-чок!!! – еще более нелепо выразился вылезший следом второй. Впрочем, он и выглядел не менее нелепо... Да и первый...

Мы стояли возле входа в ход (красиво сказано!) и пялились – другого слова не подобрать – друг на друга, ну уж никак не лучше того самого барана из поговорки. Да посмотреть и было на что! Ладно я – обычная красно-синяя курточка, шапочка вязаная, черные джинсы (в черных в гимназию разрешали ходить), сапоги зимние. Все обычное, я ж из школы шел, не с дискотеки (туда я, правда, не ходил еще ни разу). А вот мальчишка, которого я называл про себя вторым, заявился сюда не с дискотеки даже, а подумалось мне, со слета каких-нибудь панков, или того хуже... Во-первых, обувь. Почему-то на нее я первым делом обратил внимание. Это походило сразу и на древнеримские сандалии (это в марте-то месяце!) и на меховые унты (вот это уже к сезону ближе), причем – сразу, одновременно! Как и почему мне так казалось, я понять не мог, но казалось вот! К тому же, эти унтовидные сандалии блестели, как новенькие монетки. То

есть, из металла они, что ли, были у него? Я плюнул на его обувь (разумеется, не слюной, а остатками здоровых мыслей) и перевел взгляд выше... Хорошо, что здоровые мысли я перед этим потратил. Потому что они бы наверняка на меня обиделись за подобное издевательство! Мальчишка был в шортах и майке (так это, во всяком случае, выглядело), но и как бы в тулупе тоже. Вроде тулуп, а вроде майка с трусами. Вот так. Причем, все зеленое, но оно же и золотистое, и даже практически красное, только синего цвета. И, разумеется, блестит, как самовар! Тогда я просто посмотрел парню в лицо. Лицо мне понравилось, даже здоровые мысли, испуганно оглядываясь, стали потихонечку возвращаться по домам. И лицо это показалось мне знакомым. Очень знакомым! Только вот стрижка его сбивала мои напуганные мысли с толку, и вспомнить они пацана так и не смогли. Та еще стрижечка украшала макушку паренька! Вернее, полмакушки. Спереди. А сзади – блестел голый череп! Ну, не кость, конечно, а кожа на черепушке. Правда, цвет у волос был естественным, ничего не скажу. Ультрафиолетовым. Во всяком случае, я определил этот цвет именно так. И он не менялся и не блестел. И на том спасибо!

Второй же парень (тот, который первый) меня – и особенно мои встревоженные мысли – очень своим внешним видом порадовал. Ничего на нем непонятного и неуловимого для разума не было. А были на нем черные валенки, черные же брюки, темно-серое, угрюмое пальтишко и чер-

ная шапка-ушанка набекрень, изрядно потрепанная. Весь такой темный герой из фильма про плохих парней. Только вот красный галстук, выбившийся из-под воротника пальто, картину портил. Не из той он был оперы. Так и захотелось эту алую несуразицу снова под пальто ему запрягать. А лицо у пацана было славное. И тоже до боли знакомое! Кстати, похожи бы они со вторым мальчишкой были здорово, кабы причесались одинаково (второму пришлось бы для этого чуток отрастить волос сзади) и пришли к единому мнению насчет цвета волос. У первого он, надо отметить, был обычным, темно-русым, как, впрочем, и у меня. Но вот торчали волосы из-под шапки не очень красиво. Длинноваты были волосики, на мой взгляд.

– Да, ребята, – выдохнул наконец второй. – Откуда же вы сбежали?

– По-моему, это ты сбежал, – опередил меня первый. – Из цирка. Да и ты, – посмотрел он на меня и добавил почему-то шепотом: – Из Америки...

Второй возмущенно надулся и собрался уже что-то выпалить – вряд ли для нас с первым хвалебное, но мне уже стал надоедать этот театр абсурда (что это такое, я не очень-то знал, но мама часто употребляла это выражение, когда ей что-нибудь не нравилось), да и называть своих новых знакомых числительными мне тоже надоело. Поэтому я поднял руку и решительно сказал:

– Так, пацаны! Хватит лаяться! Кто откуда сбежал – его

личное дело. Как вас зовут-то? Меня – Ромка. – И я протянул руку.

– Роман, – пожал ее первый.

– Ром, – удивленно хмыкнул второй и шлепнул по моей ладоншке своею. Затем сделал то же с ладонью первого.

– Так мы еще и эти... Как их? Тёзки! – сказал я, и только тут до меня дошло, на кого похожи эти странные парни. Да на меня самого! Подстричь перв... Романа, то есть, нарастить волос Рому и перекрасить – и будут вылитые я! Ну, почти вылитые. У Романа нос чуть более широкий и уши слегка топорщатся, а у Рома нос как раз тонкий и само лицо вытянутое. Правда, у Романа нос еще широким кажется, потому что распух. Здорово мы ему с Ромом все-таки заехали! А пацан молодец, не заревел. Больно-то было, небось, еще как!

И тут я глянул на часы. И ахнул! Половина четвертого! Это сколько же я в ходиках лазал? Полтора часа?! Ужас! Мама придет полпятого, а мне еще нужно пробежаться по магазинам – купить к ее приходу того-сего на праздничный ужин. Я хоть и именинник сегодня, но мама попросила, иначе ей не успеть, не садиться же за стол за полночь!

– Пацаны, сорри! – замахал я руками, срываясь с места. – Давайте завтра в час здесь встретимся? Океюшки?

Тезки кивнули. Одинаково, как близнецы. А Роман буркнул: «Точно американец!»

Уже подбегая к дому, я вспомнил, что забыл рюкзак с учебниками возле ходиков. Но тут же благополучно выбросил этот пустяк из головы. Потому что голову заняла куда более важная проблема – моего дома не было! То есть совсем. Не было даже фундамента. Даже котлована под него! Что меня немножко обрадовало, а то я подумал было, что дом взорвали террористы. Но взорвать так, чтобы вместо дома из нетронутого снега торчали кустики вряд ли кто-нибудь может. Если только Дэвид Копперфильд потрудились. Но что ему тут у нас делать? Замерзнет еще невзначай.

Я захихикал и опустился прямо в сугроб. Похоже, голова после сегодняшних событий начала сбоить, подумал я. Нужно перезагрузка!

Я зажмурился так, что в глазах поплыли цветные круги. Затряс головой что есть силы. Слетела шапка. Я медленно открыл глаза, не поднимая их нашарил шапку, надел. А потом резко вскинул голову, в дикой надежде, что наваждение прошло. Не тут-то было! И вот тогда я заплакал.

Слезы помогли. Не так, чтобы уж совсем, чтоб я стал спокоен, как слон, но хотя бы соображать чуточку здраво я теперь мог. Для начала я запретил себе думать, что случилось с домом, утешаясь мыслью, что мама с папой все равно на работе, с ними ничего не случилось, а судьбу дома и осталь-

ных его жильцов мне в любом случае сейчас не решить. Для этого есть специально обученные люди: милиция, МЧС, кто там еще... А мне бы сейчас забраться под чье-нибудь теплое крылышко и окончательно придти в себя. И я сразу подумал о бабушке с дедушкой. Во-первых, я их очень люблю, и они меня тоже. Они примут меня, выслушают, помогут. Во-вторых, живут они недалеко. О том, чтобы ехать сейчас на работу к маме или папе, мне не хотелось даже и думать! Все равно, что в Москву пешком топать, как Михайло Васильевич. Устал я очень для таких подвигов. В-третьих же, с радостью смекнул я, папа с мамой, не найдя родного дома, тоже пойдут скорее всего к бабушке с дедушкой. А там – я! Снова вместе вся семья! И я встал из сугроба и пошел, даже не отряхнувшись.

Сначала я не смотрел по сторонам, настолько мне было не до того. Но, подойдя к перекрестку, за которым и началась нужная мне улица, я машинально остановился, чтобы посмотреть на светофор. Посмотреть не получилось. На светофор, в смысле. Поскольку он тоже отсутствовал. Точнее – они, их же там четыре штуки было! А сейчас – ни одного. И, что странно, машин почему-то тоже не было. А ведь уже четыре часа! Обычно в это время машины так и шныряют. Не час пик еще, но уже близко. В последние годы улицы нашего небольшого города стали напоминать московские. Может, я слегка и преувеличиваю, но перейти улицу в месте, где нет светофора, бывает порой очень трудно. Как-то я ми-

нут двадцать стоял, ждал просвета в потоке машин, а потом плюнул и пошел в обход.

И вот сейчас дорога, то есть обе дороги, которые в этом месте пересекались, были абсолютно пустынными! Хотя нет, катился вдалеке грузовичок. Неспешно проехал перекресток и задымил дальше. Тоже странно, по этой улице грузовое движение запрещено, это я точно помню. Мы как-то с папой взяли все дорожные знаки изучить. Он как раз в автошколе учился, ему надо было, ну а я – за компанию. А потом, когда мы с папой гуляли по городу, то друг другу экзамены устраивали, когда знаки встречали. Так что я теперь если не во всем городе, то уж в нашем районе точно знал, где какие дорожные знаки расположены. Но это мои мысли опять в сторону побежали, удирая от новых непонятностей. Потому что, провожая взглядом грузовик, я невольно огляделся. И снова чуть не сел в сугроб. Половины знакомых мне зданий не было! Или вообще, или вместо них торчали какие-то деревянные развалюхи, почти как в деревне у тети Анны, куда мы ездили пару раз в отпуск. Впрочем, не все развалюхи, это я сначала погорячился. Были и вполне приличные дома, некоторые даже двухэтажные. На одном, самом ближнем, я прочитал вывеску: «ПРОДУКТЫ». А ниже, маленькими буквами: «Минсельхозпром РСФСР». Белиберда какая-то! Хотя это вот «РСФСР» мне показалось знакомой штучкой. Где-то я уже встречал эти буковки, именно так и собранные. Или это я с СССР перепутал? Так раньше наша страна называ-

лась, еще до моего рождения.

Я перешел дорогу и направился дальше, теперь уже внимательно глядя по сторонам. К огромной моей радости, многие дома стояли на своих местах. Правда, выглядели они все чуть-чуть по другому. Вон те две кирпичные пятиэтажки очень уж новенькие, чистенькие, и сквериков возле них нет. А есть лишь мусор, плиты разбросанные, кирпич битый, будто стройка только закончилась. Да и не закончилась даже – во второй пятиэтажке и стекла еще не все вставлены! Вон и рабочие суеются... Что за фигня?

Я прошел стройку, и мне начали попадаться идущие навстречу люди. Их тоже было мало, как и машин. И одеты люди были очень странно... Темные, невзрачные пальто, женщины в основном – в серых платках, мужчины – в шапках-ушанках, как у Романа... Стоп-стоп-стоп! Вот именно, встреченные мною прохожие были одеты, как Роман! Да что они тут, кино снимают?..

Я был уже на миллиметр от разгадки, мысли мои уже стукались осторожно в ее дверь, и тут меня окликнули сзади:
– Ромка, подожди!

Я обернулся. Меня догонял Ром. Я бы его не сразу узнал, потому что одет он был совсем иначе, чем при нашей первой встрече. На голове его красовалась белая шапочка, наподобие той, что надевают под гермошлем космонавты; на ногах были сапоги (не совсем привычной формы, все какие-то уг-

ловатые и квадратные, но сапоги, без сомнения, и даже постоянного цвета – темно-серого); брюк видно не было, потому что Ром был теперь в длинной, до самых сапог, куртке – тоже серой, но с металлическим отливом. В общем, походил он тогда на космонавта в самоволке. Но для меня в тот момент внешний вид Рома не имел никакого значения. Я обрадовался ему, как родному! И даже не сразу заметил в глазах Рома слезы.

– Ты чего? – спросил я, когда увидел, что Ром плачет.

Ром всхлипнул, махнул рукой по носу, глянул на меня неожиданно жалобно и сказал:

– Чего это тут?

– Ты тоже заметил?! – обрадовался я. Тому обрадовался, что, значит, не поехала моя «крыша».

– Заметишь тут! – буркнул Ром, всхлипнул еще раз и сплюнул. – От города одни руины остались!

Я не совсем был согласен с Ромом. Какие ж руины, когда, вон – были старые дома, а стали новенькие, только отстроенные! Хотя... Эти деревянные здания... Некоторые из них и впрямь напоминали руины. В общем, я сказал:

– Ага. А твой дом на месте?

– Какое там! – Ром перестал всхлипывать и стал необычайно сердитым. Злился, небось, на себя, что ревел при мне. – Ни моего дома нет, ни дедушкиного...

– Моего тоже нет, – вздохнул я. – Я вот сейчас как раз к бабушке с дедушкой иду. Не знаю еще... – Я не договорил.

Страшно стало. И я спросил: – А ты куда?

– У меня еще прабабушка тут живет. Недалеко... – Ром тоже не стал договаривать. И так все ясно!

И мы дружно зашагали вперед. Говорить ни о чем не хотелось. Я жадно всматривался вдаль. На маячившую впереди девятиэтажку. Именно «маячившую», потому что она маяком торчала над крышами двух-, трех— и пятиэтажных зданий. Похоже, она была единственной «высоткой» на весь город. Вот только та ли это девятиэтажка? Бабушкина ли с дедушкой? Издалека, в ставшем незнакомым городе, это было трудно определить.

Девятиэтажка оказалась той. Тоже непривычно новой, будто только что отстроенной, но той. Я протянул руку Рому:

– Ну, удачи! Я пришел.

– Я тоже, – ответил Ром.

– Что, и твои в этом доме живут?! – обрадовался я за товарища.

– Не знаю, как сейчас, но когда-то будут жить, – непонятно ответил Ром. Он-то уже почти догадался тогда, что к чему. Это я медленно запрыгаю.

Мы зашли в подъезд, тоже непривычно чистый, со стенами без надписей, с потолками без клякс копоты... Хотя, одна надпись все же была выцарапана по синей краске стены: «Васька дурак». Я невольно улыбнулся, такой наивной и светлой показалась мне эта одинокая надпись!

В лифте (конечно же стерильном до неприличия и с абсолютно целыми кнопками) я спросил:

– Тебе какой?

– Пятый, – сказал Ром. Вот только тогда у меня впервые что-то ёкнуло.

– Тоже пятый?..

Ром внимательно посмотрел мне прямо в глаза:

– Квартира восемьдесят шесть?

Я кивнул, не отрывая взгляда от Роминых глаз.

Ром непонятно хмыкнул, отводя взгляд.

– Ты когда родился? – спросил он и сам нажал кнопку с цифрой «5».

– Девятнадцатого марта... Сегодня, кстати!

– Чоу-чок! – щелкнул по-птичьи Ром. – А год?

– Девяносто второй. Ты еще век спроси! – нахмурился я. Не по себе мне что-то стало.

– Я и сам догадался, – серьезно сказал Ром и так же серьезно спросил: – А я знаешь когда родился? – И сам же ответил: – Девятнадцатого марта двадцать второго года. Две тысячи двадцать второго!

Тут лифт остановился и распахнул двери. И я ничего не сказал Рому. Мои мысли вновь испуганно прижались друг к дружке и собрались драпать. Но я лишь пригрозил им кулаком. Тоже мысленным, но очень большим и внушительным.

В дверь позвонил я. Открыл ее Роман. Сразу открыл, по-

тому что стоял в прихожей, еще одетый. Видимо, только что пришел. Он как раз снимал шубку с маленькой девочки лет четырех-пяти, и шубейка лежала сейчас на полу, лишь один ее рукав висел на руке девочки. Девочка затрясла рукой и захныкала.

– Катька, не ной! – сказал Роман и стянул с девочки шубу. – Брысь в комнату, сама раздевайся, большая уже! – Он плотно закрыл за девочкой дверь и повернулся к нам. Стянул шапку, расстегнул пальто и хмуро сказал:

– Ну?

– С днем рождения, дед! – сказал Ром. По-прежнему серьезно, как только что в лифте. И я наконец-то тоже догадался. Правда, еще не обо всем. О самом Роме я еще не догадывался. А вот о Романе...

– С днем рождения, папа, – сказал я.

Роман посмотрел на нас, как на полных придурков. Снял пальто, аккуратно повесил на крючок. Стянул валенки, поставил в угол. Поднял с пола смешную сумку, словно сшитую из рыболовной сети. В ней лежали бумажные свертки, буханка хлеба, батон...

– Откуда узнали? – еще сильнее нахмурился Роман. Папа, то есть.

– О-хохонюшки-хо-хо! – смешно вдруг выдохнул Ром и сказал: – Может, в дом пригласишь, чаем напоишь, а там и поговорим?

– Сейчас, – сказал Роман-папа и пошел относить на кухню

свою нелепую сетку.

Ром посмотрел на меня:

– Тебя тоже с днем рождения, бать!

– Че-е-го?! – я думал, мои глаза выпадут на пол. Не выпали. Потому что тут до меня дошло все окончательно. Мысли дрожали, как мышцы, но смирно сидели на местах. И я ответил, чужим каким-то, хриплым голосом: – С днем рождения... сынок...

И мы начали ржать. В буквальном смысле, по-лошадиному просто. Перезагрузка наконец произошла. Наступила разрядка.

Из кухни выскочил Роман. Папой его называть у меня все же не совсем поворачивался язык.

– Вы что, издеваться пришли?! – заорал он. – Убирайтесь отсюда! А то... – Все-таки он тоже испугался и тоже начал что-то понимать. Но ему было трудней это сделать. Он-то был у себя дома, в своем времени.

– Да не ори ты так, дед! – поморщился Ром. – Послушай сначала.

– Какой я тебе дед?

– Самый настоящий, папа, – вздохнул я. – Это мой сын.

– Вы идиоты, да? – До Романа все никак не доходило. – Или клоуны? Точно, клоуны! Ишь, вырядились как!

– Где? Где клоуны?! – распахнулась дверь в комнату, и из нее выпорхнула девочка Катька в одном валенке.

– А ты чего подслушиваешь?! – совсем распсиховался

несчастный мой папа и запихнул девочку назад. – Я кому сказал – переодевайся?!

Из-за двери послышался рев.

– Тетя Катя, не плачь! – крикнул я. Мне стало вдруг весело.

– Расскажи ты ему что-нибудь! – крикнул мне Ром. – Ты же его лучше знаешь!

Действительно, надо не острить а предъявлять доказательства, подумал я. И сказал:

– Тебя зовут Роман, тебе сегодня день рождения. У тебя есть сестра Катя...

– Да что ты говоришь? – зло усмехнулся Роман.

– У тебя папу зовут Сергей, маму – Тамара, – невозмутимо продолжил я. – Ты работаешь программистом... то есть, тьфу, будешь работать программистом... – Я все-таки сбился.

– Эй-ей-ей! – пихнул меня в бок Ром. – А вот это – не надо! Про временные парадоксы слышал?

Я слышал. Читал даже на днях «И грянул гром» Брэдбери. Мне стало неудобно.

– Блин, а мы тут натоптали... – жалобно глянул я на Рома.

– Это, может, еще не страшно, ничего непоправимого мы не успели сделать, – ответил он учительским тоном. – А вот рассказывать о будущем людям прошлого нельзя. Ни в коем разе! Пошли отсюда, бать, раз нас тут слушать не хотят! – И Ром повернулся к двери. Сыграл он, или правда собрался

уходить, я так и не понял. Но это подействовало на Романа.

– Ладно, стойте!.. – сказал он, уже с явным сомнением в голосе. – Раздевайтесь и проходите на кухню. Интересно, чего вы там начитались. Я тоже фантастику люблю.

На кухне было тепло и уютно. Я с любопытством озираясь, но ничего знакомого из вещей не видел. Хотя, вон те часы на стене... Я видел такие у бабушки в ящике с разным хламом.

Мы прихлебывали горячий чай, грызли сушки, и Ром рассказывал. Говорил в основном он, я только поддакивал. Мой сынок оказался большим умницей. Или они все там, в будущем, такие головастые? Ром выдвинул теорию, что мы, в момент своего рождения (Ром тоже родился в два часа дня, а вот папа точное время не знал, но раз уж пошли такие совпадения – ой ли? – то, скорее всего, и он тоже), когда нам всем троим исполнилось по двенадцать лет, оказавшись в одной пространственной точке, скатились во вневременье. Возможно, тут сыграли роль и переплетения снежных ходов в различных плоскостях, может еще что, но факт налицо: мы – отец, сын и внук – встретились. А потом выпали во время отца, то есть Романа. Все сходилось.

Еще мы уточнили даты. Ром прибыл из две тысячи тридцать четвертого года, я, разумеется, – из две тысячи четвертого, а попали мы в тысяча девятьсот семьдесят четвертый год. То есть разницы составляли ровно тридцать лет. Может,

и это что-нибудь значило.

Роман посмотрел на часы.

– Скоро придут родители, – сказал он. – Не хотел бы я, чтобы они вас увидели!

– Почему? – удивились мы с Ромом.

– Я-то фантастику читаю и, допустим, вам почти поверил. А они? Представьте, я скажу им: знакомьтесь, это мой сын и внук! Сразу же вызовут врача для всех троих. Или для меня врача, а для вас – милицию.

– Ну, пойдете тогда к снежным ходам, – сказал Ром.

– Зачем? – не понял я. Все-таки среди нашей троицы я, наверное, оказался самым тупым. Даже папа догадался:

– Только оттуда у вас есть шанс попасть домой...

– И, мне кажется, только сегодня, – добавил Ром.

– Или через год, – очнулись, наконец, и мои мысли.

– Давайте лучше сегодня, – поежился Ром. – Что-то мне как-то здесь...

– Не нравится? – насупился Роман. – Конечно, у вас там уже...

– Стоп-стоп-стоп! – словно мельница, замахал руками Ром. – Ни слова больше! Не надо меня подначивать! Я все равно ничего не расскажу! И ты, бать, не рассказывай! А то вот изменится будущее – и куда мы с тобой вернемся?

– Ладно вам, секретчики, тоже мне! – фыркнул папа. Но обида в его голосе проскользнула. – Пойдемте, давай! А то ведь точно попадетесь сейчас. – И он принялся натяги-

вать пальто.

– Постой, а ты-то зачем пойдешь? – удивился я, и Ром поддержал меня:

– Ты же дома! Сейчас родители придут, день рождения праздновать будете.

– Не, ну вы даете! – возмутился мой юный папа. – Вы же сами убедили меня, что ты – мой сын, а ты – мой внук. Ведь мы же семья! Как я могу свою семью бросить в такую минуту?

– Пап, а ты мне сегодня утром почти то же самое говорил, – улыбнулся я.

– Ну, вот видишь! – Папа приоткрыл дверь в комнату и крикнул туда: – Катя, сиди тихо, сейчас папа с мамой придут, а я пойду друзей провожу!

– Слушай, пап, – дернул я Романа за рукав. – Дай я с твоей сестренкой поговорю! Это же тетя Катя! Интересно же... Я ей про будущее рассказывать не буду! – сразу предупредил я возможный протест Рома.

– Давай, только быстро! – Папа открыл дверь в комнату. – Засаекаю две минуты.

Я заглянул в комнату, где на диване сидела девочка Катя – моя тетя Катя – и листала книжки с картинками. В этой комнате я бывал так часто, а поди ж ты – совсем ее не узнавал! Все было в ней другим, даже запах – и тот отличался, как мне показалось.

– Привет! – сказал я тете Кате. – Читаешь?

– Привет, – ответила девочка. – Смотрю картинки. Я еще не умею читать. А ты клоун?

– Нет, я просто мальчик. Может, и буду когда-нибудь клоуном, только вряд ли. А ты кем хочешь стать?

– Продавцом. У них знаешь, сколько конфет?! А ты мне конфету принес?

Я хотел развести руками, но тут вспомнил, что сегодня не пришел в школу Витька Пахомов, и причитавшуюся ему конфету я сунул в карман.

– Подожди! – Я расстегнул куртку, залез в карман пиджака и жестом фокусника достал оттуда большой шоколадный батончик в яркой обертке. Слегка помятый, правда. Катя захлопала в ладоши:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.